[3] Гл.: Дитятин И. И. Устройство и управление городов России: в 2 т. Т. 1. Введение. Города России в XVIII ст. СПб., 1875; Ён жа. Устройство и управление городов России: в 2 т. Т. 2. Городское самоуправление в настоящем столетии. Ярославль, 1877; Ён жа. Статьи по истории русского права. СПб., 1895.

[4] Гл.: Плошинский Л. О. Городское или среднее состояние русского народа, в его историческом развитии, от начала Руси до новейших времен. СПб., 1852.

[5] Гл.: Муллов П. А. Историческое обозрение правительственных мер по устройству городского общественного управления. СПб., 1864.

[6] Гл.: Кизеветтер А. А. Посадская община России XVIII ст. М., 1903; Ён жа. Девятнадцатый век в истории России. Ростов н/Д., 1905.

[7] Гл.: Пазухин А. Д. Современное состояние России и сословный вопрос. М., 1886.

[8] Гл.: Дружинин Н. Л. Мещане, их положение и нужды. М., 1906.

[9] Гл.: Абрамов Я. Забытое сословие // Наблюдатель. 1885. № 1. С. 269−303; Ён жа. Мещане и город // Отечественные записки. 1883. № 3. С.1−21.

[10] Гл.: Свод законов о состоянии людей в государстве. СПб., 1833. Ст. 241.

[11] Гл.: Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 9: Законы о состояниях. Ст. 488.

[12] Гл.: Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ РИ). Собр. 1: в 45 т. СПб.,1830. Т. 22. № 16188. Ст. 78; Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 9: Законы о состояниях. Ст. 494, 495; Свод законов о состоянии людей в государстве. СПб., 1833. Ст. 287.

[13] Гл.: Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 9: Законы о состояниях. Ст. 465–467; Законы о состояниях / сост. Я. А. Канторович. СПб., 1911. Ст. 571.

[14] Гл.: ПСЗ РИ. Собр. 1: в 45 т. СПб.,1830. Т. 22. № 16188. Ст. 10, 81.

[15] Гл.: Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 9: Законы о состояниях. Ст. 432–434, 488, 489, 491, 492.

[16] Там жа. СПб., 1899. Т. 9: Законы о состояниях. Ст. 561–562.

[17] Там жа. Ст. 563–566.

[18] Гл.: ПСЗ РИ. Собр. 1: в 45 т. СПб.,1830. Т. 20. № 14275. Ст. 47; ПСЗ РИ. Собр. 1: в 45 т. СПб.,1830. Т. 22. № 16187. Ст. 10, 80−91.

[19] Гл.: ПСЗ РИ. Собр. 1: в 45 т. СПб.,1830. Т. 39. № 30115.

[20] Гл.: ПСЗ РИ. Собр. 2: в 55 т. СПб.,1866. Т. 38, отд. 2. № 39118; ПСЗ РИ. Собр. 2: в 55 т. СПб.,1866. Т. 40, отд. 1. № 41779.

[21] Гл.: Свод законов Российской империи. СПб., 1890. Т. 15: Устав о паспортах и беглых. Ст. 1, 4.

[22] Гл.: Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 9: Законы о состояниях. Ст. 540.

[23] Гл.: ПСЗ РИ. Собр. 1: в 45 т. СПб.,1830. Т. 26. № 20075.

[24] Гл.: Свод законов Российской империи. Пг., 1914. Т. 10. Ч. 1: Свод законов гражданских. Ст. 515, 560, 1387.

[25] Гл.: Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 9: Законы о состояниях. Ст. 523.

[26] Гл.: Законы о состояниях / сост. Я. А. Канторович. СПб., 1911. Ст. 567.

[27] Гл.: Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 5: Уставы о податях, о пошлинах и о сборах с питей, с свеклосахарного производства и с табаку: Устав о податях. Ст. 241, 244.

[28] Гл.: ПСЗ РИ. Собр. 2: в 55 т. СПб.,1866. Т. 38, отд. 2. № 39119.

[29] Гл.: Свод законов Российской империи. СПб., 1893. Т. 5: Уставы о прямых налогах, о пошлинах и об акцизных сборах. Ст. 32–33, 35.

[30] Шепелев Л. Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Л., 1981. С. 96−97.

[31] Гл.: ПСЗ РИ. Собр. 3: в 33 т. СПб., 1901. Т. 18, отд. 1. № 15601.

[32] Гл.: Свод законов о состоянии людей в государстве. СПб., 1833. Ст. 336; Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 9: Законы о состояниях. Ст. 539.

[33] Гл.: ПСЗ РИ. Собр. 2: в 55 т. СПб., 1832. Т. 6, отд. 1. № 4677.

[34] ПСЗ РИ. Собр. 2: в 55 т. СПб., 1876. Т. 49, отд. 1. № 52982, 52983; Свод законов Российской империи. СПб., 1897. Т. 4.: Устав о воинской повинности. Ст. 1.

[35] Гл.: ПСЗ РИ. Собр. 2: в 55 т. СПб.,1876. Т. 49, отд. 1. № 53623.

[36] Гл.: Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 3: Уставы о службе гражданской. Ст. 4−5; Свод уставов о службе гражданской. Т. 1. Устав о службе по определению от правительства / сост. А. Скоров и А. Полянский. М., 1895. Ст. 4−6.

[37] Гл.: ПСЗ РИ. Собр. 3: в 33 т. СПб., 1909. Т. 26, отд. 1. № 28392.

[38] Гл.: Свод законов Российской империи: в 5 кн. / сост. Н. П. Балканов, С. С. Войт, В. Э. Герценберг. Кн. 1. Свод уставов о службе гражданской. Т. 3. Устав о службе по определению от правительства. Пг., 1912. Ст. 6−7.

[39] Гл.: Городовое положение со всеми относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями / сост. пом. присяж. пов. М. И. Мыш. 6-е изд., испр. и доп. СПб., 1885. Ст. 16–17. Доп. узакон. № 46. Ст. 667–675.

[40] Гл.: Городовое положение 11 июня 1892 года с относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями / сост. присяж. пов. М. И. Мыш. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1894. Ст. 24.

Паступіў у рэдакцыю 22.02.13.

Ксенія Сяргееўна Церашкова – аспірантка аддзела гісторыі беларускай дзяржаўнасці Інстытута гісторыі НАН Беларусі. Навуковы кіраўнік – акадэмік НАН Беларусі, доктар гістарычных навук, прафесар Інстытута гісторыі НАН Беларусі М. П. Касцюк.

УДК 94(=161.3)«18»+908(476)«18»

Ю. В. ФУНК

А. П. САПУНОВ: ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КОНЦА XIX в.

Посвящена историко-этнографическим изысканиям известного историка и исследователя Витебского края Алексея Парфеновича Сапунова (1851–1924). Уроженец п. Усвяты, что недалеко от Велижа, впоследствии стал почетным гражданином этого города. Окончив историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, А. П. Сапунов всю свою жизнь посвятил изучению истории и культуры народов, населявших Витебскую губернию вдоль Западной Двины. Рассматриваются вопросы этнографии и краеведения Беларуси и России по оценкам А. П. Сапунова с позиции XIX в. на примерах г. Полоцка как исторического центра. А. П. Сапунов являлся представителем западнорусского направления.

Ключевые слова: краеведение; этнография; вероисповедание; белорусские земли; история; культура; политические отношения; определение народностей.

Article is devoted to historical and ethnographic researches of the known historian and the researcher of Vitebsk edge Alexey Parfenovich Sapunov (1851–1924). A. P. Sapunov was born near Velizha in the item of Usvyata and in a consequence I became honourable citizen Velizha. Having graduated from historical and philological faculty of the St. Petersburg university, A. P. Sapunov all the life I devoted to studying of history and culture of the people occupying the Vitebsk province along Zapadnaya Dvina. In article questions of ethnography and study of local lore of Belarus and Russia by A. P. Sapunova's estimates from a position of the XIX century on examples of Polotsk, as historical center are considered. A. P. Sapunov was the representative of the West Russian direction. It was close on views and belief to the Russian Slavophiles, and, as well as they, was the convinced supporter of preservation and development of the Belarusian originality. At this A. P. Sapunov firmly I stood on a position of all-East Slavic and all-Russian unity.

Key words: the study of local history; Ethnography; religion; Belarusian land; history; culture; political relations; determination of peoples.

Алексей Парфенович Сапунов – один из крупнейших историков Беларуси и России. Он входит в число ученых, заложивших основы научной белорусской этнографии, филологии и историографии. Являясь представителем западнорусского направления, А. П. Сапунов разделял взгляды таких видных ученых, как Иван Григорович, Иван Носович, Петр Бессонов, Евфимий Карский, Михаил Коялович и др. Он был близок по взглядам и мировоззрению к российским славянофилам и, как и они, – убежденным сторонником сохранения и развития белорусской самобытности. При этом А. П. Сапунов твердо стоял на позиции общевосточнославянского и общерусского единства.

Этнография, по мнению А. П. Сапунова, является наукой об этносах (народах), изучающей их происхождение, историю и культуру. Исследуя историко-этнографические вопросы белорусских земель, А. П. Сапунов начинает с истории города Полоцка как исторического центра, объединявшего города Двинск (Даугавпилс), Витебск, Велиж, расположенные на Западной Двине, и его население.

По словам А. П. Сапунова, «край наш известен с древнейших времен. Здесь пролегал знаменитый греческий путь из "Варяг в Греки". В древних сагах скандинавских также находятся любопытные сведения о нашем крае. В этих сагах, задолго до Рюрика, есть известия о Полоцке как о богатом и сильном владении, имевшем своего государя по имени Палтеса. В русских летописях Полоцк впервые упоминается под 862 г., когда он был отдан Рюриком одному из его мужей. Спустя сто лет, именно в 980 г., в Полоцке появляется самостоятельный князь Рогволод, пришедший, согласно летописи, из-за моря. Рогволод и его сыновья пали в битве с киевским князем Владимиром, дочь же Рогволода, Рогнеду, киевский князь взял себе в супруги. Впоследствии Владимир отдал Полоцк в удел своему сыну от Рогнеды – Изяславу, который и был родоначальником полоцкого княжеского дома. В X–XII вв. Полоцкое княжество является одним из самых могущественных на Руси. Самым знаменитым князем здесь был Всеслав, княживший во второй половине XI в. Этот князь слыл чародеем.

При этом князе-чародее в состав Полоцкого княжества входили Витебское, Минское, Оршанское, Мстиславльское, Лукомльское, Друцкое, Логойское и Слуцкое княжества; наконец, от полоцкого князя зависели земли по Двине вплоть до самого Балтийского моря. После смерти Всеслава между его многочисленным потомством начались бесконечные распри. Певец "Слова о полку Игореве" не делает различия между составными частями Русской земли, у него нет окраин, есть только одна Русская земля...»[1].

По мнению А. П. Сапунова, основой населения данных территорий были славяне, именно полочане (полоцкие кривичи), и, как указывает Сапунов, их колонии по Двине простирались до самого Балтийского моря. Однако, когда точно произошло появление в «латышско-ливских землях» полоцких кривичей – неизвестно; но были сведения, что «придвинские народцы» являлись данниками полоцкого князя задолго до прихода сюда немцев, на это имеются «прямые свидетельства, не подлежащие ни малейшему сомнению». Вскоре начинается расчленение единой Руси вследствие усобиц князей, которыми не преминули воспользоваться немцы. Вот как пишет об этом А. П. Сапунов: «Передовым форпостом полоцких князей на Двине был Куконос, нынешний Кокенгузен, в трехстах двадцати верстах от Полоцка. Другой город был Герсик, в 50 верстах от Двинска. В конце XII в. в устье Двины появились немецкие купцы, завязали торговые сношения с туземцами и основали свои колонии; затем явились и миссионеры. Полоцкий князь Владимир позволил немецким миссионерам распространять христианство между туземцами, часть которых уже исповедывала православие. Несмотря на сильный по временам отпор со стороны ливов, немцы все более и более утверждают свое господство в нижнем течении Двины. В 1202 г. они построили укрепленный город Ригу.

В течение нескольких лет земля ливов покорена была совершенно; за ливами наступила очередь латышей. Немцы дошли, таким образом, до самого Двинска, где в 1275 г. и основан был крепкий замок.

Дальнейшие успехи немцев встретили отпор уже не со стороны полоцких князей, а со стороны литовцев, захвативших русские земли»[2].

Последний абзац имеет немаловажное значение, поскольку указывает на то, что А. П. Сапунов четко разграничивал «русских», проживавших на территории современной Беларуси в XIII в., и пришлых «литовцев». Далее А. П. Сапунов указывает, что на этом заканчивается так называемая «русская история» и «русская независимость полоцкой земли, завоеванной Литвою». С сожалением пишет он: «…замолкли и известия русских летописей о нашем крае: судьбу его мы знаем из летописей русско-литовских. По этим сведениям, Полоцк уже в конце XII в. был завоеван литовским князем Мингайлом. Но литовцы не сразу утвердились в этом городе: спустя несколько лет в Полоцк опять является князь из дома Изяслава. Последним князем из этого дома считается Брячислав, но он жил уже в Витебске; дочь этого князя была супругою благоверного князя Александра Невского». Первым собственно литовским князем был Товтивил. С этого времени в Полоцке княжили литовские князья. Но один из уделов полоцкого княже-

ства, именно витебский, еще долго, почти сто лет, сохранял свою независимость. Последним витебским князем был Ярослав Васильевич, на единственной дочери которого, Марии, был женат литовский князь Ольгерд; после смерти Ярослава, в 1320 г., княжество Витебское отошло к Литве[3].

«Пришлых» литовских князей А. П. Сапунов называет инородцами, захватившими полоцкую землю. При этом необходимо отметить, что, согласно исследованиям Сапунова, примерно в этот же исторический период вопросы религии теснейшим образом начинают связываться с национальной принадлежностью верующих. Например, очень интересен вывод Сапунова, основанный на мнении «одного беспристрастного иностранца, долго изучавшего Россию и хорошо ее знающего, – Леруа-Болье. «Русский народ, – говорит Леруа-Болье, – есть народ христианский не по внешности только, но по существу, по духу, по сердцу... Понимание Евангелия, расположение проникаться христианским чувством составляют часть национального гения, зависят от тайного сродства христианской веры с основою русской души». И далее Сапунов добавляет уже от себя: «…если эта характеристика вообще применима ко всем русским племенам, то тем более применима она к мягкой натуре белоруса, в жилах которого течет чисто славянская кровь»[4]. Как видно из предложенного вывода, А. П. Сапунов в рассматриваемый период его творческих изысканий придерживался твердого мнения о том, что белорусы, как и русские, по происхождению исключительно славяне.

По заключению А. П. Сапунова, в середине XIV в. на территории Литвы (куда входили и белорусские земли) жили литовцы (инородцы), немцы и русские (славяне (полоцкие кривичи)).

Дальнейшая судьба «пришлого литовского народа» тесно связана с историей приобретенных русских областей, и этот факт оценивается А. П. Сапуновым как весьма благотворный, поскольку «кроме торговли, которая, издавна сближая оба народа, познакомила литовцев с русским языком, кроме религии восточного исповедания, которая под покровительством княжеских жен, по большей части русского происхождения, уже от начала XIII в., делая в Литве значительные успехи, посредством духовных лиц и славянской литургии освоила литовцев со всем русским: еще больше содействовали тому политические отношения Литвы с более населенной и гораздо более образованной христианской Русью»[5].

Согласно исследованиям А. П. Сапунова в XIV в. «русское племя составляло 9/10 литовского государства; русское народное начало, русская культура занимали в нем преобладающее положение. В то время распространение той или иной культуры находилось в теснейшей связи с вероисповеданием народа. Русская народность отождествлялась с православием, которое поэтому и называлось «русскою верою». И если бы, по мнению А. П. Сапунова, не Кревская уния 1386 г., то благодаря размеренному и «правильному» течению жизни «Литва переменила бы со временем свою литовско-языческую народность в христианско-русскую».

После того как в феврале 1386 г. великий князь литовский Ягайло женился на польской королеве Ядвиге, он перешел из православия в католичество и дал обещание обратить в католичество и всех подданных своих литовцев и русских. Таким образом, он положил начало «ополячиванию» и ослаблению «правильного русского течения» в литовском государстве.

С этого времени в русско-литовском государстве борются два начала: русско-православное и польско-католическое. Борьба продолжается в течение двух веков, правители становятся «польско-литовскими» по своей национальной принадлежности. Как пишет А. П. Сапунов, «литовско-польские государи действовали по отношению к православным русским подданным своим двулично: короли давали им много льготных грамот и в то же самое время издавали и враждебные им постановления. Эта двухвековая борьба велась не с одинаковым напряжением и постоянством и еще более не с одинаковым успехом. Период с 1386 по 1569 г., т. е. до Люблинской политической унии Литвы и Польши, это период агонии русско-литовского государства. Но и в течение всего этого периода заметно сильное влияние русского православного начала: почти все грамоты королевские в это время писаны на русском языке; русский же язык был языком суда и управления; Литовский Статут, изданный при Сигизмунде III, в 1580 г., следовательно, после Люблинской унии, напечатан по-русски и в нем, между прочим, есть следующая статья: “А писарь земски мает по-русски, литерами и словы русскими вси листы, выписы и позвы писати, а не иншим языком и словы...” Замечательно, что во все позднейшие издания Статута, уже на польском языке, внесены те же самые слова. В течение этого же периода издано королями немало грамот и в пользу православия». Таким образом, указанный период А. П. Сапунов оценивает как острейшую борьбу «польско-литовского католического» и «русского православного» начал.

Однако после Люблинского сейма 1569 г., полностью закрепившего политическое соединение Литвы с Польшей, в определении народностей, населявших Речь Посполитую, у А. П. Сапунова появляются «православная русско-литовская народность» и «народность католическо-польская». В данном контексте А. П. Сапунов обращает внимание на более длительное совместное проживание «литовцев и русских», которых объединяло «православное начало», а создание Речи Посполитой было необходимо «…для того, чтобы отвратить взоры русских и литовцев от православного востока и обратить их к католическому западу... Но православное русское народонаселение выказывало явное отвращение к католичеству. В каком печальном положении было это вероисповедание в Полоцке и Витебске, лучше всего видно из следующего: иезуит Ростовский пишет, что «в конце XVI в. во всей полоцкой области считалось не более десяти дворян, исповедовавших католические догматы... В то

же время папский легат Поссевич нашел в Витебске только одного католического ксендза, дряхлого летами и при смерти больного; небольшое число католиков состояло из польских выходцев, живших здесь по делам службы или торговли».

Неизменно стоя на позициях православия, А. П. Сапунов гневно осуждает деятельность иезуитов, а также создание униатской церкви на территории белорусских земель. Вот как он пишет об этом: «В самый год политической Люблинской унии в Белоруссии появились иезуиты; эти вероисповедных дел мастера придумали “мост” для перехода из православия в католичество. Насилием и хитростью иезуитов и базилиан, которые всегда находили поддержку со стороны польского правительства, совращались в унию жители Белоруссии. Но и сильная струя православия, то суживаясь, то расширяясь, струилась, словно источник живой воды, по дебрям унии, пока, наконец, в 1839 г., не был окончательно смыт с лица нашего многострадального края весь этот наносный сор...»[6]

И далее А. П. Сапуновым задается вопрос, в чем же и где находили поддержку православие и русская народность в белорусских землях. Ответ очевиден – в воссоединении с Россией. В качестве доводов приводится падение Речи Посполитой как исчерпавшего себя государственного организма, «окончательно павшего в ту могилу, которую вырыла своими же собственными руками». Непосредственными последствиями разделов 1772, 1793 и 1795 гг. стало «религиозное событие 1839 г., т. е. воссоединение белорусских униатов». И это, по мнению А. П. Сапунова, «составляют дорогие заветы и стремления русского народа и стоят в большом ряду однородных событий, выражают одну и ту же мысль, одну и ту же тягу русского народа к западной и восточной половине – составлять единое целое и в гражданской, и в духовной жизни». Таким образом, А. П. Сапунов рассматривает соединение «западной» и «восточной» Руси в рамках Российской империи как «естественное и взаимное стремление».

Хотелось бы привести несколько мыслей А. П. Сапунова о «взаимном тяготении» с позиции непосредственно Российского государства в духе нынешнего времени – промосковского. Итак, А. П. Сапунов пишет: «В XIV веке… Восточная Русь, раздробленная на уделы, начала группироваться и укрепляться под сенью Москвы. Первым “собирателем земли Русской” был Иоанн Данилович Калита (1328–1341), внук благоверного князя Александра Невского.

В то же время и земли Западной Руси (главным образом, кривские княжества – Полоцкое, Витебское, Минское) мало-помалу объединяются при содействии литовского элемента. Истинным основателем Русско-Литовского государства является Гедимин (1316–1341), современник Калиты. Иоанн Данилович уже именовал себя “князем великим всея Руси”, Гедимин принял титул “короля Литвы и Руси”.

Образовались, таким образом, два русских государства – московское и литовское из одного и того же народа, не разделенные притом никакими резкими физическими границами»[7].

А. П. Сапунов делает вывод, что существовали два русских государства, между которыми за первенство и главенство на протяжении пяти столетий шла борьба. А первенство, по его мнению, безусловно, принадлежит восточной «московской» Руси. В доказательство приводится заявление царя московского Иоанна Васильевича Грозного, что «и самая Литва есть отчина государей московских». Далее Сапунов отмечает: «Не прошло и ста лет со времени Грозного царя, как другой русский царь “Тишайший” вновь вырывает из рук поляков те же многострадальные земли – Белоруссию и Инфлянты. Овладев всею Белоруссиею, царь Алексей Михайлович принял титул “государя всея Великия и Малыя и Белыя России”».

Особое внимание хотелось бы обратить на то, что у А. П. Сапунова появляется отдельное определение для территории белорусских земель – Белоруссия, именно с упоминания о царе Алексее Михайловиче. Сам А. П. Сапунов так говорит об этом: «Одним из первых распоряжений Тишайшего царя в Белоруссии было: “костелам не быть, унеятам не быть, жидам не быть и жития никакого не иметь”. Православные, разумеется, восстановлены были во всех своих правах. В 1656 г. царь Алексей Михайлович, отправляясь в поход под Ригу, пробыл в Полоцке 10 дней. Это пребывание ознаменовалось торжественным освящением Софийского соборного храма, захваченного базилианами; освящен был также в присутствии самого царя и древнейший храм Преображения Господня в Спасо-Евфросиниевском монастыре, долгое время находившийся в руках иезуитов»[8].

Как на радостные и долгожданные события указывает А. П. Сапунов на разделы Речи Посполитой в 1772, 1793 и 1795 гг., когда «Белая Русь навеки воссоединена с великою Россией. Начатое императрицею Екатериной Великой довершено императором Николаем I в 1839 году».

Таким образом, мы видим, что государи русские, начиная с великого князя Дмитрия Донского и кончая императором Николаем Павловичем, с живейшим сочувствием обращали свои взоры на Белоруссию и внимательно следили за всем, что там происходило.

При этом очень интересны исследования А. П. Сапунова и отношения к этому вопросу и со стороны государей и населения Белой Руси. Вот какие любопытные выводы предлагает нам А. П. Сапунов в своих исследованиях: «Здесь, на Белой Руси, у великих князей и царей московских было всегда много искренних друзей; здесь никогда не исчезала мысль о родстве с православною Великою Русью»[9]. По мнению А. П. Сапунова, еще при Витовте в русско-литовском государстве замечалось явное тяготение к Руси Великой; Витовт видел это и всеми силами старался на первый раз отделить русско-литовскую митрополию от московской, что ему и удалось назначением Григория Самвлака митрополитом киевским в 1416 г. С тех пор, как в русско-литовском государстве началось стеснение русской народности и православной веры, взаимное тяготение еще усилилось.

При вступлении войск царя Алексея Михайловича в Белоруссию население встречало их как давно желанных освободителей от польско-католического ига. В современных польских реляциях говорится: «Здешние (белорусские) города угрожают явно возмущением, а другие наперерыв сдаются на имя царское... Мужики (белорусы) – говорится в другой реляции – молят Бога, чтобы пришли москвитяне...»

Лучшим выразителем чувств, воодушевлявших, по мнению А. П. Сапунова, белорусов во время присоединения Белоруссии к России, является архиепископ Георгий Конисский. «Тяжкие узы расторгнуты повелением твоим, – говорит достойный архипастырь Великой Императрице, – ныне настали нам времена прохладные: укротились свирепевшие… Мы и в восторг приходим, и недоумеваем, сон ли се сладкий нам, или истинное событие…» Это только не фразы. Известный польский патриот Немцевич (сподвижник Костюшки) пишет: «Я должен сознаться, что эта страна (Белоруссия) сильно выиграла в материальном отношении со времени раздела»[10].

Кроме того, А. П. Сапунов указывает на проявление сочувствия и стремления к единению в неоднократных попытках «западно-русских людей к избранию на престол литовско-польский государей русских». Этот факт был при Василии III, Иоанне IV, его сыне Феодоре и при Алексее Михайловиче. Также А. П. Сапунов отмечает и тот факт, что один из «замечательнейших западно-русских людей», литовский канцлер Лев Сапега, писал канцлеру коронному Радзивиллу по поводу избрания на польско-литовский престол Феодора Иоанновича: «Господь мне свидетель, что я желал иметь государем московского князя, хотя и видел много препятствий этому»[11].

Завершая краткий обзор историко-этнографических исследований и взглядов А. П. Сапунова в период его творческой и научной деятельности, который приходится на последнее десятилетие XIX в., хотелось бы отметить, что А. П. Сапунов видел «беспрерывное взаимное тяготение Руси Белой и Великой» как в политическом, так и в религиозном отношениях. Особенно важным является то обстоятельство, что А. П. Сапунов в конечном итоге говорит о равном взаимоотношении двух великих народов – русского и белорусского, не лишенных как общих корней, так и неповторимой самобытности и индивидуальности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1 Сапунов А. П. Исторические отношения Руси Белой и Великой // Памятная книжка Витебской губернии на 1898 год. (прил., с. 3).
2 Сапунов А. П. Исторические отношения… (прил., с. 4).
3 См.: Сапунов А. П. Исторические отношения… (прил., с. 3).
4 Там же.
5 Там же.
6 Сапунов А. П. Список населенных мест Витебской губернии. Витебск, 1906. С. 98.
7 См.: Сапунов А. П. Исторические отношения… (прил., с. 4).
8 Там же.
9 Там же.
10 Там же (прил., с. 3).
11 Там же.

Поступила в редакцию 14.02.13.

Юлия Валерьевна Функ – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси древнего времени и средних веков.

УДК 353.2(476)(091)«18/19»

А. А. СТРАЛЕНЯ

СУДЕБНЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ ЗЕМСКИХ НАЧАЛЬНИКОВ В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ (конец XIX – начало XX вв.)

Сделана попытка охарактеризовать судебные полномочия земских начальников в белорусских губерниях в конце XIX – начале XX в., так как их деятельность остается малоизученной темой, о которой в белорусской историографии упоминается лишь косвенно, несмотря на значимость этой тематики для анализа социально-политических процессов в Беларуси в конце XIX – начале XX в. Анализируется деятельность института земских участковых начальников как судебной инстанции, рассматривается попытка совмещения в руках земских начальников административной и судебной власти и функций надзора за волостными судами, показан процесс взаимодействия местной власти и населения. Делается вывод о степени эффективности практической деятельности земских начальников в качестве органа правосудия.

Ключевые слова: земские участковые начальники; административно-судебные учреждения; белорусские губернии.

In the article there was made an attempt to characterize the judicial power of district captains in the Belarusian provinces in the late XIX – early XX century, as their activity still remains not sufficiently studied. It is mentioned in the Belarusian historiography only indirectly, in spite of the importance of this subject for the analysis of socio-political processes in Belarus in the late XIX – early XX century. The activity of the institute of district captains as the body of judicial instance is analysed, an attempt to combine administrative and judicial authorities in the hands of district captains as well as the functions of supervision for the peasant courts is considered, the process of interaction between the local authorities and the population is shown. In the result the conclusion is made about the effectiveness of practical activity of district captains as the body of justice.

Key words: district captains; administrative and judicial institutions; the Belarusian province.

В Российской империи в конце XIX в. была проведена реформа местного управления, согласно которой был введен новый административно-судебный орган власти в лице земских начальников. Зем-